

Месяца июля в пятнадцатый день...

*Александр Дегтярев,
доктор исторических наук, член Исторического клуба «Моё
Отечество»*

Невская битва занимает особое место среди великих сражений, ибо в отличие от других подобных событий русской древности с точностью известна географическая точка, в которой она произошла, а также, день и даже час столкновения.

В начале предлагаемого исследования, я полагаю целесообразным дать читателю максимально точное представление об этом событии, поместив два главных исторических документа, имеющих неоспоримый статус первоисточников.

Первый – «Повесть о битве на Неве» из Жития великого князя Александра. Текст, относящийся к 80-м годам XIII века, реконструирован одним из крупнейших современных знатоков русского летописания Ю. К. Бегуновым. (1)

***ПОВЕСТЬ О БИТВЕ НА НЕВЕ ИЗ ЖИТИЯ АЛЕКСАНДРА НЕВСКОГО
ПЕРВОЙ РЕДАКЦИИ. 1280-е ГОДЫ.***
(Реконструкция текста)

Се же слышав король части Римьскыя от полунощныя страны таковое мужество князя Олександра, и помысли в себе: «Поиду и пленю землю Олександрову». И събра силу велию, и наполни корабля многы полковъ своих, подвижесе в силе тяжце, пыхая духом ратным. И прииде в Неву, шатаесе безумиемъ и посла слы своя, загордевесе в Новьгород, къ князю Олександру, глаголя: «Аще можесе противитесе мне, то се есмь уже зде, плняя землю твою».

Олександръ же, слышав словеса сии, разгоресе сердцемъ, и вниде в церковь святыя Софьи, и, пад на колену предъ ольтарем, нача молитесе съ слезами: «Боже, хвальный, праведный, Боже великий, крепкий, боже превечный, сотворивый небо и землю и поставивый пределы языком, повеле житии, не преступая в чужую часть». Въсприим же псаломскую песнь, рече: «Суди, Господи, обидящим мя и возбрани борющимся со мною, прими оружие и щит, стани в помощь мне».

И, скончавъ молитву, въставъ поклонися архиепископу. Архиепископ же Спиридон, благослови его и отпусти. Он же, изшед ис церкви, утеръ слезы. Нача крепити дружину свою. Глаголя: «Не в силе Богъ, но въ правде. Помянемъ Песнотворца, иже рече: «Сии въ оружии, а сии на конех, мы же во имя Господа Бога нашего призовемъ, тии спяти быша и подоша. Мы же въстахом и прости быхом». И си рек, поиде на ны в мале дружине, не съждавшеся с многою силою, но уповая на святую Троицу.

Жалостно же бе слышати, яко отецъ его, честный Ярославъ великий. Не бе ведал таковаго въстания на сына своего милаго Олександра, ни оному бысть, когда послати весткъ отцю: уже бо ратнии приближашася. Тем же и мнози новгородци не совокупилися бяху, понеже ускори князь поити.

И поиде на ня въ день въскресения, иуля въ 15, на память мученику Кирика и Улиты, имеяше же веру велику къ святыма

мученику Кирика и Улиты, имеяше же веру велику къ святыма мученикома Бориса и Глеба.

И бе некто мужь, старейшина в земли Ижерстей, именовъ Пелгусий. Поручена же бысть ему стража морская. Въсприят же святое крещение и живящее посреди рода своего, погана суца. Наречено же бысть имя его в святом крещении Филипъ. И живяще богоудно, в среду и в пяток пребываше въ алчбе. Скажем вкратце.

Уведавъ силу ратных, иде противу князя Олександра, да скажет ему станы и обрытья ихъ. Стоящу же ему при краи моря, стрегущу обою пути, и пребысть всю ночь в бдении. И яко же нача възходити солнце, слыша шумъ страшен по морю и виде насад един гребущъ, посреди же насада стояста святая мученика Бориса и Глеба, въ одеждах чървленихъ, и беста руце держаста на раму. Гребцы же седяху, акы мглоу одени. Рече Борис: «Брате Глебе, вели грести, да поможемъ сроднику своему Олександру». Видев же таковое видение и слышавъ таковой гласъ отъ мученику, стояше трепетень, дондеже насадъ отъиде от очю его.

Потом скоро поеха князь Олександръ. Он же, видевъ князя Олександра радостныма очима, исповеда ему единому видение. Князь же рече ему: «Сего не рцы никомуже».

Оттоле потщався наеха на нь въ 6-й час дне. И бысть сеча велика над Римляны, и изби их множество бесчисленно от них, и самому королю възложи печать на лице острым своимъ копиемъ.

Зде же явишася въ полку Олександрове 6 мужь храбрыхъ, иже мужествоваша с нимъ крепко.

Единъ – именовъ Гаврило Олексичъ. Съи наеха на шнекъ, и, видевъ королевича мча подъ руку, възеха по доске, по ней же възсхожаху, и до самого корабля. И втекоша пред ним в корабль. Паки обратившееся, свергоша его з доски съ конем в Неву. Божию милостию изыде оттоле неврежденъ, и паки

наеха и бися с самемъ воеводою посреде полку их.

Другий – новгородецъ, именем Збыслав Якунович, наеха многожды на полкъ ихъ и бьяшется едином топоромъ, не имея страха в сердцы своем. И паде неколико от руки его; и подивишася силе его и храбръству.

Третий – Ияков, полочанинь, ловчий бе у князя. Съй наехав на полкъ с мечем и муъствова, и похвали его князь.

Четвертый – новгородецъ, именем Миша. Съй пешь съ дружиною своею натече на корабли и погуби три корабля Римлян.

Пятый – от молодых людей, именем Сава. Съй наехавъ на шатер великий, златоверхий и подсече столпь шатерный. Полцы же Олександрови, видевши падение шатерное, возрадовашася.

Шестый – от слугъ его, именем Ратмирь. Съй бися пешь, и обступиша его мнози. Он же от многих ранъ пад, скончася.

Си вся слышахомъ от господина своего Олександра и от инехъ, иже в то время обретошася в той сечи.

Бысть же в то время чудо дивно, яко же въ древняя дни при Езекии цари, егда прииде Сенахирим, царь асурийскъ, на Иерусалимъ, хотя пленити святы град, и внезапну изыде аггелъ Господень и изби от полка асурийска сто восемьдесят пять тысящъ. И въставше утро, обретоша вся трупии их мертва. Тако же бысть и при победе Олександрови, егода победи короля обонь поль реки Ижеры, идее же бе непроходно полку Олександрову. Зде же обретоша многое множество избьеных от аггела Божия. Останок же их побеже, и трупиа мертвых своих наметаша корабля и потопиша их в мори. Князь же Олександръ возвратися с победою, хваля и славя имя своего Творца.

Второе известие относится к более позднему периоду (XIV век),

но восходит к древним временам и не менее ценно, тем более, что оно, по мнению исследователей, не пересекается с текстом из Жития. (2)

ЛЕТОПИСНЫЙ РАССКАЗ О СРАЖЕНИИ НА НЕВЕ ИЗ СИНОДАЛЬНОГО СПИСКА XIV ВЕКА НОВГОРОДСКОЙ I ЛЕТОПИСИ СТАРШЕГО ИЗВОДА

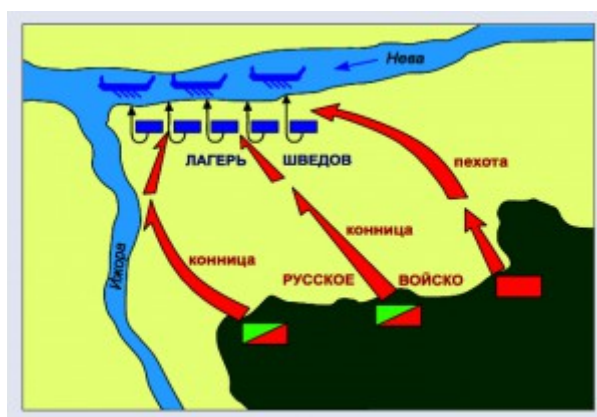
В лето 6748 (1240). Придоша Свеи в силе велице, и Мурмане, Сумь, и Емь, в кораблих множество много зело; Свеи съ княземъ и съ пискупы своими; и сташа в Неве устье Ижеры, хотяче восприяти Ладогу, просто же реку и Новгород и всю область Новгородъскую. Но еще преблагый, премилостивый человеколюбец Бог ублюде ны и защити от иноплеменникъ, яко всуе трудяшася без Божия повеления: приде бо вестъ в Новгородъ, яко Свеи идуть къ Ладозе. Князь же Олександръ не умедли нимало с новгородци и с ладожаны приде на ня, и победи я силою святыя Софья и молитвами владычица наша Богородица и приснодевица Мария, месяца июля въ 15, на память святого Кюрика и Улиты, в неделю на Сборъ святых отецъ 630, иже в Халкидоне; и ту убьень бысть воевода их, именем Спиридон; а инии творяху, яко и бискуп убьень бысть ту же; и множество много ихъ паде; и накладше корабля два вятших мужь, преже себе пустиша и к морю; а прокъ их, ископавше яму, вметавша в ню бещисла; а иные мнози язвьни быша; и в ту ночь, не дождавше света понедельникя, посрамлени отъидоша

Новгородецъ же ту паде: Костянтинъ Луготиниць, Гюрята Пинешиниць, Наметь, Дрочило Нездыловъ, сын кожевника, а всехъ 20 муж с ладожаны, или мене, Бог вестъ. Князь же Олександръ с новгородци и с ладожаны придоша вси здрави въ своя си, охранени Богомъ и святою Софьею и молитвами всехъ святы...

Вышеприведенные источники содержат множество ярких деталей, которые безоговорочно убеждают непредвзятого читателя в том, что сражение действительно было и носило ожесточенный

характер. (3) Однако, как видим, каких-либо свидетельств о том, какой берег этой малой реки стал местом продолжительной остановки шведов, а затем и ареной битвы в них нет. Тем не менее, историографическая традиция в лице многочисленных исследователей и популяризаторов XX века единогласно определяет полем битвы правый берег Ижоры – в любом учебнике, историческом исследовании, трудах по истории военного искусства можно найти именно такое, более того, только такое утверждение. Во многих статьях, книгах, а ныне и в интернете таких карт многие сотни, если не тысячи. Вот одна из них

Карта 1

Четверть века назад И. П. Шаскольским, авторитетным знатоком русско-шведских отношений этого времени, были высказаны некоторые возражения против этой устоявшейся точки зрения.

Обоснованию своей точки зрения он посвятил один из тезисов доклада на чтениях памяти В.Т.Пашуто.

Приведем его полностью.

«К изучению Невской битвы пора, наконец, привлечь такой источник, как историческая топография места сражения. В научно-популярной и учебной литературе в исторических картах-схемах Невской битвы давно уже принято показывать, что шведский лагерь в устье впадавшей в Неву реки Ижоры и место происшедшего там знаменитого сражения со шведами находилось на правом берегу Ижоры.

Чем руководствовались авторы многочисленных карт-схем, избрав правый берег реки, – непонятно; эти авторы никогда не видели место исторического сражения. Произведенное нами обследование места Невской битвы позволило с очевидностью установить, что сражение могло происходить только на низменном левом берегу, где имеется значительное плоское пространство, удобное для устройства лагеря; правый берег высок, имеет всхолмления, для устройства лагеря и для проведения боя совершенно неудобен. Именно на левом берегу еще в XVIII веке была построена церковь – памятник Невской битве, ныне восстановленного к 750-летнему юбилею сражения». (4)

Не думаю, что возникновение этой историографической традиции вызвано лишь тем, что ни один из исследователей битвы не удосужился побывать на ее месте. Это вряд ли верно. Такое объяснение возникновения общепризнанной топографической схемы сражения было бы очень простым.

Объяснение причин появления именно такой схемы нуждается в более углубленном исследовании. Попробуем высказать некоторые соображения в этой связи.

Думается, что решающей предпосылкой возникновения версии о том, что и лагерь шведов, и сражение связываются с правым берегом Ижоры, является следующее обстоятельство. Новгородское войско, возглавляемое князем Александром, шло к шведскому лагерю со стороны Ладоги. Гипотетический путь его, выстроенный усилиями многих исследователей, рисуется следующим образом. Большую часть пути от Ладоги до устья впадавшей в Неву выше, чем Ижора, реки Тосны русские прошли на ладьях. Дальше двигаться по Неве было нельзя – шведы наверняка обнаружили бы приближение войска и тогда расчет на внезапность нападения, а это было одним из главных условий в тактическом плане новгородцев, был бы неминуемо утрачен. Поэтому суда свернули в Тосну, поднялись на несколько километров вверх по ней, и здесь в месте наибольшего сближения Тосны с одним из притоков Ижоры произошла высадка войска. Дальше путь лежал по суше вдоль плавно извивавшихся мелких рек прямо к лагерю шведов. Прodelав

его, войско князя Александра, так и не замеченное шведами, которые почему-то не обеспечили выставления боевого охранения, ударило из приречного леса по шведскому лагерю.

Рассуждения создателей традиционной схемы были не лишены резонов: удар новгородской дружины был нанесен из глубины приневских лесов, водные преграды (Ижора) при этом не форсировались – иначе о факторе внезапности говорить не приходится.

Таким образом, не исторические факты, а общие рассуждения о направлении подхода русского войска со стороны Ладоги в сочетании с ударом из леса привели к выводу о расположении лагеря шведов на правом берегу. Его помещение именно в этой точке явилось, скорее всего, следствием логических рассуждений, а не исторических свидетельств. Их, к сожалению, нет.

И. П. Шаскольский привел только один контраргумент против устоявшейся и давно ставшей общим местом отечественной историографии точки зрения – топографию предполагаемого места битвы. Этот аргумент можно принять, правда, только после дополнительных исследований, так как за без малого восемь веков под воздействием мощных антропогенных факторов ландшафт устья Ижоры претерпел большие изменения.

Однако аргументация в пользу места, где проходило сражение может быть существенно дополнена и развита после внимательного прочтения источников и изучения существовавших в ту эпоху норм и правил военного искусства.

Прежде всего, следует обратиться к анализу возможных целей шведского похода. Новгородская летопись (14 век) прямо говорит что шведы хотели «восприять Ладогу, просто же реку и Новгород и всю область Новгородскую». Столь грандиозная цель была заведомо не по силам вторгшемуся войску, что, собственно, и показала Невская битва.

В житийном рассказе цель шведского похода формулируется

скромнее: «Пойду и пленю землю Олександрову». Но пленить можно по разному – тотальным захватом, к чему и склонялся позднейший летописец, или нанеся противнику иной существенный ущерб, перекрыв, например, важные торговые пути и т. п.

Чтобы понять, существовало ли подобное намерение, стоит обратить внимание на сообщение Жития о том, что старейшина Пелгусий скажет Александру «станы их и обрытья их». Использование множественного числа в сообщении о «станах» прямо указывает, что их было больше одного, по крайней мере, два. Рассуждение об их дислокации имеет одно важное ограничение – в условиях только-только начавшегося вторжения рассредоточение сил на значительных расстояниях друг от друга не имело военной логики. На наш взгляд, станы располагались на ДВУХ берегах устья Ижоры. В пользу такого расположения косвенно свидетельствуют общие размеры шведского флота. Большое количество шнеков были пришвартованы вдоль Невы с двух сторон от устья Ижоры. Лишь небольшая их часть, возможно, даже сомкнутая в виде моста, располагалась в этой малой реке. Мост этот соединял берега и таким образом объединял обе части войска.

К этой мысли подталкивает и второе, уже давно забытое слово «обрытья» из донесения Пелгусия.

Термин «обрытья» практически не привлекал внимания исследователей. «Обрытья» – рвы и валы, которыми окружали военный лагерь, рассчитанный на длительное пребывание войска на вражеской территории. (5) Как правило, при их сооружении проводились внушительные древо-земляные строительные работы. Высокий правый берег Ижоры в этом смысле несомненно был предпочтительнее низменного левого. Средневековые крепости всегда возводились на высоких берегах, предпочиталось, чтобы места эти являлись мысами при слиянии рек или впадении их в озера.

Важный вопрос состоит в том, кто сооружал «обрытья». С большим основанием можно предположить, что это была не рыцарская часть войска, а гребцы многочисленных шнеков и другой вспомогательный

персонал, входивший в состав ледунга.

Работы, видимо, имели достаточно большой масштаб. Об этом говорит одно топонимическое свидетельство, дожившее до наших дней. Вдоль высокого правого берега Ижоры идет длинная улица, упирающаяся в берег Невы. Она носит чрезвычайно характерное, причем довольно древнее название – Бугры!

Известный археолог П. Сорокин, посвятивший не один год раскопкам в районе Усть-Ижоры, писал несколько лет назад: «Интересно было бы найти захоронение шведских воинов: по некоторым данным, часть погибших похоронили в Усть-Ижоре. Я мечтаю о раскопках в районе улицы Бугры, где неподалеку была земляная фортеция».

Конечно, антропогенные факторы, действовавшие здесь в течение многих веков, оставляют мало шансов на успех. Но надежда умирает последней.

Можно с достаточным основанием предполагать, что одной из главных целей похода 1240 года было намерение шведов основать на Неве береговую крепость, которая позволила бы контролировать активные торговые маршруты между Новгородом и странами Ганзейского союза. Это стремление на века стало важным фактором шведской политики.

Стоит кратко напомнить об этом. В 1293 году, захватив основанный за полтора века до этого русско-карельский город Выборг, шведский маршал Торгильс Кнутсон построил там мощный замок-крепость. Это позволило перерезать важный торговый путь из Ладожского озера через Вуоксу в Финский залив.

А всего через семь лет – в 1300 году в устье реки Охты, на территории современного Санкт-Петербурга шведам удалось основать крепость с пышным и характерным названием Ладскрона – «Венец земли». Появление её перекрывало главную торговую артерию – Неву. Ответ новгородцев, сразу понявших эту угрозу, был, как и в 1240 году, твердым и решительным. Против шведов были двинуты лучшие воинские силы средневековой республики. Но

мощный гарнизон, уже успевшей хорошо отстроиться Ландскроны, выстоял. Сокрушить этот опасный шведский форпост удалось лишь в следующем году, призвав на помощь сына Александра Невского Андрея, княжившего во Владимире. Ландскрона была сожжена и скрыта с лица земли. Однако шведы не забыли про неё и спустя три (!) столетия, когда во времена Смуты им удалось захватить невские берега, на месте Ландскроны была воздвигнута новая шведская твердыня Ниеншанц. России потребовалось целое столетие, пока неукротимая энергия Петра позволила вернуть эти земли в лоно России. Таким образом, «крепостное» противостояние длилось почти пять столетий!

Вернемся однако к рассуждениям о «станах». Если стан строителей масштабных «обрытий» располагался на высоком правом берегу, то рыцарскому войску и «златоверхому шатру» ярла можно найти только одно местоположение – левый, относительно ровный берег Ижоры.

Такой выбор диктовала и военная целесообразность. Во-первых, шведские военачальники не могли не анализировать путей возможного подхода новгородского войска. Общее направление здесь определялось однозначно – с востока, от Ладоги вдоль по Неве. Расположение лагеря на левом берегу обеспечивало мощную естественную преграду на путях наиболее вероятного подхода новгородского войска. Пренебрежение этим обстоятельством (в случае расположения лагеря на правом берегу) следует расценивать только как невероятную беспечность, которую опытные шведские военачальники вряд ли могли допустить. Подобное расположение войска и лагерей – за водной преградой на пути возможного наступления противника – широко практиковалось в средневековье, было почти непреложным правилом.

Эффективное использование водных преград было общим правилом средневековых стратегов. Русские войска неоднократно демонстрируют нам его, например, в битве на реке Воже (1378) или знаменитом стоянии на Угре (1480). И напротив, печально известная битва на реке Пьяне (1377) показывает цену

пренебрежения этим правилом.

Традиционная версия о расположении шведского лагеря на правом берегу не позволяет ответить и на другой важный вопрос, который, правда, даже не ставился в нашей историографии, – об отсутствии боевого охранения шведского лагеря. Внезапность нанесенного русскими удара дает все основания предполагать, что оно практически отсутствовало, причем именно на том направлении, откуда появление противника выглядело наиболее вероятным. Почему оно не было выставлено, признавая расположение шведов на правом берегу, исходя из тогдашних правил военного искусства, объяснить невозможно.

Но если предположить, что лагерь находился на левом берегу, а на правом располагалось большое количество участников похода – гребцов, строителей и прочих, имевших, конечно, какое-то оружие и уже прикрытых строящимися укреплениями – такие объяснения могут быть сформулированы. Кроме того, остановка на левом берегу была более логичной с той точки зрения, что в тылу шведского войска, спокойно поднявшегося по Неве до Ижоры, оставался известный, пройденный без каких-либо осложнений маршрут. Таким образом, это было тактически, да и психологически обоснованное решение.

О том, что сражение шло на обоих берегах Ижоры прямо свидетельствует помещенное в конце житийной повести о битве и приписанное автором вмешательству высших сил известие: «обонь поль реки Ижеры, идее же бе непроходно полку Олександрову. Здесь же обретошася многое множество избъенных от аггела Божия». (6)

На наш взгляд, в этом сообщении идет речь о столкновении на правом берегу Ижоры. Сделать такое заключение позволяют следующие обстоятельства. Во-первых, «многое множество избъенных» указывает на то, что это явно не рыцарская профессиональная часть войска, а скорее всего, тот самый слабо вооруженный вспомогательный состав, который был занят строительством укреплений. Отсюда и большие потери.

Во-вторых, фраза «идеже непроходно полку Олександрову», указывает на то, что в этой части сражения не участвовала наиболее боеспособная конная дружина князя.

Кто же тогда, если не Божий промысел, обеспечил этот успех? Таких действующих сил может быть названо, по крайней мере, две, а то и три. Это пешие «ладожаны» и «ижорская стража морская», которые почти наверняка были направлены Александром, подробно знавшим дислокацию войск противника, для атаки с этой стороны. Не исключено, что это могли быть и новгородцы, которые – по свидетельству житийного рассказа в самом Новгороде – «не совокупилися бяху, понеже ускори князь пойти», то есть не успели по разным причинам присоединиться, но могли успеть подойти ко времени сражения.

Считается, что потери русских в битве были невелики, а это является для скептиков основанием считать Невскую битву незначительным столкновением. Летопись называет 20 человек, из них несколько героев по имени. Но в списке конца летописи конца XIV века присутствует одна загадочная фраза. Скорее всего, мы имеем с текстом, случайно искаженным при одном из переложений. Это фраза: «а всехъ 20 мужъ с ладожаны, или мне, Бог вестъ». В ней все понятно, кроме таинственного выражения переписчика «или мне». Видимо, здесь имеет место искажение. Слова, содержащие большинство букв из этого короткого замечания, присутствуют несколькими строками выше в сообщении о раненых шведах: «а инии мнози язвни быша». Скорее всего «инии мнози» присутствовали и в описании новгородских потерь. Но в течение нескольких, растянувшихся на столетие с лишним переложений и переписываний текста «инии мнози» превратились в непонятное «или мне».

Наконец, важным обстоятельством может быть признано отмеченное И. П. Шаскольским заметное неудобство прилегающего к устью Ижоры правобережья для войскового стана. Линия правого берега Ижоры здесь и до сих пор сохраняет высокую крутизну, и предпочесть его более спокойному ландшафту левобережья без особых к тому резонов было попросту неразумно.

Дополнительным аргументом, косвенно свидетельствующим в пользу дислокации шведского лагеря на левом берегу Ижоры, является то, что поселение в устье этой реки с давних времен развивалось именно на левом, удобном для расселения берегу, о чем говорит и размещение храма.

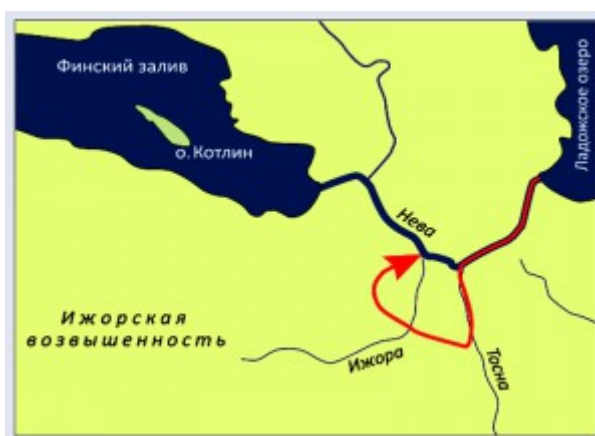
Сумма изложенных выше соображений заставляет склониться к принятию новой версии о целях похода, расположении шведского лагеря и ходе сражения.

Наиболее вероятным местом главной части сражения следует признать левый берег Ижоры при впадении ее в Неву. Именно здесь и был воздвигнут спустя столетия храм, посвященный святому Александру Невскому.

Признание этого факта влечет за собой серьезные коррективы, которые придется внести в гипотетическую реконструкцию финишного участка пути новгородского войска к месту сражения.

Для скрытного подхода к шведскому лагерю после высадки на берегу Тосны князю Александру необходимо было форсировать Ижору в ее среднем течении и совершить обходной маневр с тем, чтобы выйти к шведскому лагерю на левый берег реки из глубины приречного леса.

Карта 2

Главные силы противника, таким образом, были атакованы с того направления, которое считалось относительно безопасным, так

как спокойный подъем вверх по Неве, возможные высадки и разведки в предыдущие дни не давали оснований для особых тревог. Главным направлением, с которого мог появиться противник, шведы должны были считать восток и юго-восток, то есть ладожское и новгородское направления. Основное внимание, видимо, им и уделялось, что и было блестяще учтено и использовано князем Александром Ярославичем.

В заключение следует вернуться к главному вопросу – о значении победы в Невской битве для дальнейших судеб Руси.

Александр Невский был первым русским князем, получившим почетное прозвище за подвиг. Под этим именем многие века помнят его потомки. Минуло с той поры уже более трех четвертей тысячелетия, а значение подвига все эти века не убывало, как случилось со многими славными делами, отошедшими и забытыми. Наоборот! По мере того, как мы глубже познавали историю России, масштаб его вырос. Время и знания высветили новые, тогда неведомые современникам и ближним потомкам грани совершенного. Чтобы вполне оценить их, уже недостаточно только знания истории русского народа, Русского государства. Только изучив историю многих других народов и племен, как сохранивших себя, так и навсегда исчезнувших в кипящих водоворотах нашествий, смерчами крутившихся на просторах Евразии, мы поняли, от какой судьбины избавило нас самозабвенное мужество предков.

Лишь когда была кропотливо – по русским, скандинавским, монгольским, персидским, итальянским и другим документам – исследована гигантская мозаика средневековых событий, стало понятно место и значение выигранного Александром дерзкого скоротечного сражения – Невской битвы – в отечественной истории.

Вопрос о том, что случилось бы, если бы Невская битва была проиграна или если бы русские вообще не решились на сражение, а отсиживались за стенами новгородского Детинца или Старой Ладogi, пассивно поджидая врага, не кажется праздным или

лишенным научных оснований.

Окинем еще раз мысленным взором военно-стратегическую обстановку, сложившуюся в то время вокруг русских северо-западных твердынь – Новгорода и Пскова.

Незадолго до Невской битвы Новгороду удалось избежать таранного удара ордынских туменов. Угроза нашествия с юга миновала.

Но всего три года спустя, последовал удар шведских феодалов с севера, отраженный в Невском сражении. Если б этого не удалось сделать, то захват шведами, по крайней мере, части новгородских территорий, создание на Неве мощной, перекрывающей Новгороду торговые пути крепости, последующий крупный экономический урон был неизбежен. В сочетании с данью в пользу всесильной Орды это самым решительным образом ослабило бы Господин Великий Новгород. А согласованное со шведами вторжение рыцарей с третьего стратегического направления – из Прибалтики – могло стать последним событием новгородской истории.

История Новгородской земли была бы закончена, как случилось в те годы с куда более могущественными народами и племенами. Три мощных удара с разных направлений всего за пять лет! И любой мог привести к утрате самостоятельности русских средневековых республик – последнего никем непокоренного осколка некогда могучей Древней Руси. Таким мог бы быть неосуществившийся, но имевший все основания стать реальностью вариант нашей истории.

А что породил бы он в цепи неумолимо наступающих исторических следствий? Сделаем еще один шаг в туманную область вариантов развития. Предположим, что Новгород и Псков утратили самостоятельность, стали владениями Швеции и Ордена. Осуществись захватнические планы Швеции в отношении Новгорода, и у конунгов появилась бы реальная возможность (сильные финские племена уже были покорены) создания «великой Швеции» – от Балтики до Белого моря. Новгород был в то время был

единственным барьером, сдерживавшим эту экспансию. Это означало бы утрату Русского севера, одного из важнейших источников роста экономического могущества русских земель, собирания сил для борьбы с ордынским игом.

Горделивая Тверь и подымавшаяся Москва оказались бы в жестоких жерновах – с юга Орда, с запада Орден, с севера Швеция... Возможность рождения Русского централизованного государства в таких условиях превратилась бы в практически невероятную цель или исчезла бы совсем.

Подобное движение русской истории стало бы неосуществимым.

Память о Невской битве, о деяниях Александра Ярославича переходит от поколения к поколению, меняя формы, но сохраняя свою нетленную суть. Сущность её проста: исполненное ума, решительности и точного расчета самоотверженное и отважное служение Отечеству, особенно нужное ему в трудные переломные времена. Таков непреходящий завет, достигший нашего времени и уже протянувшийся нитью в будущее.

ПРИМЕЧАНИЯ

(1) Бегунов Ю. К. Памятник литературы XIII века «Слово о погибели Русской земли». М.-Л., 1965, с. 188-190.

(2) Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. Под редакцией и с предисловием А. Н. Насонова. Отв. ред. М. Н. Тихомиров. М.-Л., 1950, с. 77.

(3) Скептически настроенные авторы полагают что наличие известий в русских источниках при отсутствии упоминаний о битве в скандинавских документах и сказаниях свидетельствует в пользу того, что Невская битва была рядовым столкновением и мелким эпизодом русско-шведских отношений того времени, а ее значение

сильно преувеличено.

На такое утверждение можно дать симметричный ответ.

При изучении русских летописей можно обнаружить умолчания о более значимых событиях этих отношений. Так, в 1187 году новгородская дружина в союзе с карелами взяла штурмом и разрушила столицу (!) тогдашней Швеции – город Сигтуну. Разорение было настолько впечатляющим, что шведы предпочли за лучшее оставить это пепелище и отстроить новую столицу – Стокгольм – в другом месте. В шведских источниках известия об этом событии встречаются многократно, они отложились в хрониках и сагах.

Но попробуйте найти упоминание об этом несомненно очень значительном событии в русских летописях. Таковых нет! И это несмотря на то, что бронзовые церковные ворота главного сигтунского храма были вывезены в Новгород и установлены в соборе святой Софии. Исследователи строят по этому поводу разные гипотетические объяснения. Но факт остается фактом.

Далеко не все события древней истории попадали в русские летописи и западные хроники, в былины и саги. Быстротекущее время навсегда скрыло от нас многие события, героические и бесславные, трагические и победные.

(4) Шаскольский И. П. Невская битва (к 750-летию). // Восточная Европа в древности и средневековье. Проблемы источниковедения. Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР В. Т. Пашуто. Тезисы докладов. М., 1990. С. 140.

(5) Словарь русского языка XI-XVII вв. Выпуск 12, с. 166.

(6) Там же, с. 124.